

ПРОБЛЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА

Автор: С. Н. ПУШКИН

ПУШКИН Сергей Николаевич - доктор философских наук, профессор кафедры философии Нижегородского государственного педагогического университета.

Аннотация. Биосоциальная трактовка этноса Л. Н. Гумилева, представленная в разработанной им теории этногенеза, является значительным вкладом в науку, и сегодня не теряет своей актуальности. Его учение об этносе базируется на идее сближения естественных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: история * география * биоценоз * консорция * конвиксия * этнос * ассимиляция * метисация * слияние * комплементарность * инкорпорация * симбиоз * химера

С детства интересовавшийся проблемой происхождения и исчезновения разных народов, Гумилев до последних дней своей жизни работал над ее решением. Впервые он с ней столкнулся еще в студенческие годы, когда пытался выяснить причины длительности сохранения самобытности этносов. И с удивлением обнаружил, что их развитие не согласуется с законами социальной сферы жизни. Чем более активно пытался молодой исследователь "разгрызть этот орешек традиционным способом", тем чаще он "наткнулся на стену непреодолимых препятствий". Дальнейшая научная деятельность приводит его к пониманию необходимости "искать другие критерии и другие опознавательные признаки". Только в зрелые годы Гумилев смог объединить данные естественных наук с собственными историческими знаниями. Научной общественности была предложена концепция этногенеза. "Самым трудным для моей научной идеи было то, - вспоминает впоследствии мыслитель, - что ее негде было обсудить, поскольку это синтетическая наука, и все отвечали, что это не по их специальности. И это было верно, потому что наука действительно новая" [Гумилев, 2003а: 16]. Не помогла ее официальному продвижению и защита в 1973 г. Гумилевым докторской диссертации по географическим наукам. Несмотря на блестящую защиту, ВАК не решился присудить ему еще одну докторскую степень, не возражая, впрочем, против его членства в Диссертационном совете по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора географических наук.

Однако так и не "защищенная" теория этногенеза сразу же заинтересовала широкие читательские круги. "Биосоциальная трактовка этноса - огромный вклад Льва Николаевича в философию, историю и географию. Понятие об обществе как о чем-то стерилизованном от природных начал - категория абсурдно-абстрактная" [Ефремов, 2003: 495]. Для опровержения этого Гумилев предпринял значительную исследовательскую работу, написав около тридцати статей, которые вскоре переработал в

монографию "Этногенез и биосфера Земли", впервые вышедшую в свет в "Вестнике Ленинградского университета" и журнале "Природа".

Утверждая, что "биологические признаки свойственны не только особям, - определяет позицию Гумилева Ю. Ефремов, - а и их сообществам - ценозам, а значит, и антропоценозам, этноценозам, которые во многом, хотя и не во всем, подобны биоценозам" [Ефремов, 2003: 495], мыслитель создает собственное оригинальное учение об этносе. Его успех Гумилев усматривал главным образом в той идее, которую он последовательно развивал и обосновывал в большинстве выступлений и опубликованных трудах. Это - идея сближения естественных и гуманитарных наук. "Я, - писал Лев Николаевич, - возвысил историю до уровня естественных наук, исследуемых наблюдением и проверяемых теми способами, которые у нас приняты в хорошо развитых естественных науках - физике, биологии, геологии ..." [Гумилев, 2003b: 31]. В этом, по-видимому, и заключается одна из наиболее перспективных идей Гумилева - ученого с мировым именем, который, однако, так и не стал ни профессором, ни академиком. Ибо взявший его на работу в 1962 г. ректор ЛГУ А. Д. Александров определил ему (что Гумилева более чем устраивало) местом работы Институт географии при географическом факультете, где "высший титул" - старший научный сотрудник.

И тем не менее еще во времена жестокой цензуры, когда публикация его трудов была, как правило, сопряжена со значительными сложностями, Гумилева окружают десятки учеников и последователей. В дальнейшем число его научных публикаций и его почитателей множится. Это вынуждены признать и люди, не разделяющие его идеи. А. Кузьмин, например, пишет, что Гумилев - "самый печатаемый историк нашей страны", вызывающий, по наблюдениям А. Янова, всеобщее уважительное к себе отношение [Кузьмин, 1991: 257; Янов, 1994: 256]. Однако активные поиски отдельных частных погрешностей, "ловля блох" в творчестве мыслителя, наблюдавшего, по словам Ю. Ефремова, мир "с высоты полета орла", препятствует пониманию многих современных процессов.

Частности в анализе этнических взглядов Гумилева никоим образом не должны доминировать над целым, которое, по мнению Д. Лихачева, нужно или "принимать, или не принимать". А. Панченко убежден, что "в нынешнем историософском запасе нет идей, которые могли бы конкурировать с теорией этногенеза" [Панченко, 1997: 15; Лихачев, 1997: 20]. Особенно значительный интерес этнические взгляды Гумилева вызывают в период усложнения межнациональных отношений. Его работы, написанные ясным и понятным языком, обретают самый широкий круг читателей. "Не надо стараться сказать что-то оригинальное. Нужно искать то, что верно, - убежден Гумилев. - Тогда и окажется, что верное и есть самое оригинальное" [Гумилев, 2002b: 50]. Уважительно относясь и к своей работе, и к своим читателям, он раскрывал проблемы этноса и этногенеза "простыми и понятными словами", избегая наукообразной формы изложения.

С точки зрения Гумилева, каждый этнос имеет свою структуру, представляющую собой дифференцированную и регламентированную систему межличностных взаимоотношений, строго определяющую норму отношений как между коллективом и индивидом, так и индивидов между собой. "Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, - отмечал мыслитель. - Поэтому для членов этноса она не тягостна, так как она для них незаметна" [Гумилев, 2002c: 101]. Неудивительно, что всякое соприкосновение с иными структурами этнического стереотипа поведения, сколько-нибудь характерными для представителей другого этноса, пугает, поражает и удивляет. Это в свою очередь порождает многочисленные повествования о чудачествах чужих этносов, в значительной мере, по мнению Гумилева, определяющих основное содержание этнографии.

Если структура этноса быстро или медленно, но от поколения к поколению меняется - это свидетельствует о развитии этноса и продолжении этногенеза. Если же она стабильна: новые поколения лишь воспроизводят жизненные циклы предыду-

щих, - развитие этноса прекращается, этногенез завершается, перед нами реликтовый этнос. Гумилев убежден: этническая систематика должна заменить этническую классификацию. Ведь данная классификация, утверждает он, может осуществляться только по какому-то произвольному признаку (по языку, расе, роду занятий и пр.). Поэтому выделение различного рода этнических структур будет условным и субъективным. Систематика, напротив, основывается на всестороннем изучении этноса, отражая лишь то, что "заложено в природе вещей". С помощью этнической систематики Гумилев и определяет структуру этноса, первоначальный элемент которой - **консорция** (от лат. судьба).

Он убежден, что порожденная пассионарным толчком мутация образует изначально немногочисленный новый тип людей, которые, объединившись, быстро формируют "свое этническое лицо и самосознание". Создаваемая таким образом консорция состоит из пассионарных членов. Это обязательное условие ее образования, ибо этногенез обычно начинается с деятельности героических, жертвенных членов консорций, которые обретают искреннюю поддержку окружающих. Объединиться и приступить к согласованным пассионарным действиям их побуждает необходимость и желание преодолеть сопротивление среды. Они уже не могут жить только повседневными заботами, а устремляются к реализации выдвинутой ими цели, нарушая привычный ритм жизни. Самим фактом своего существования первое пассионарное поколение разрушает инерцию покоя. Именно в этом, по Гумилеву, проявляется биологический смысл этногенеза, который, однако, не подменяет и не исключает социального смысла.

Консорция сразу же обретает более или менее соответствующие уровню общественного развития эпохи социальные формы. И хотя те или иные исторические события складываются из отдельных поступков разных людей, но отнюдь не они, по словам Гумилева, оказывают влияние на крупные исторические явления. Их поступки имеют значение, заявляет он, только в том случае, если их поддерживают облаченные в социальные формы консорций. Это, по его определению, группы людей, всегда связанные единством исторической судьбы. И хотя они обычно обладают весьма значительной энергией, их стремления расширить свое влияние отнюдь не обязательно им удаются. Это такие нестойкие объединения как артели, партии, секты, банды и т.д. Они быстро возникают и быстро распадаются. Сроки их функционирования иногда ограничиваются несколькими месяцами, иногда годами жизни их основателей.

Однако отнюдь не все консорций погибают так быстро, некоторые из них существуют в течение жизни нескольких поколений. Выйдя на широкую историческую арену и приступив к территориальной экспансии, они образуют **конвиксии** (от лат. жизнь), объединяющие группы людей "с однохарактерным бытом и семейными связями". Заняв свое место в этнической истории, конвиксии еще более, чем консорций наполняются социальными формами, часто образуя традицию. Конвиксия уже хотя и элементарная, но система - "система общей жизни". Таковы, например, путешественники и землепроходцы, создающие различные локальные группы, кланы, корпорации и пр. Обычно, заявляет Гумилев, конвиксии живут до тех пор, "пока их либо не разьет экзогамия, либо не перетасует сукцессия, т.е. резкое изменение исторического окружения" [Гумилев, 2002: 215]. В благоприятных условиях конвиксии весьма устойчивы и долговечны. Но при значительном ухудшении этих условий у них так резко снижается сопротивляемость среде, что они могут даже "рассыпаться среди окружающих консорций". Хотя далеко не все конвиксии ожидает столь трагическое завершение их жизненного пути. Те из них, которые уцелеют, имеют шанс вырасти в **субэтноты**, объединяющие большие или мелкие группы людей, которых друг от друга отличает или язык, или род занятий, или религия, но всегда резкие поведенческие отличия (стереотип поведения).

"Возникают субэтноты вследствие разных исторических обстоятельств, иногда совпадают с сословиями, но никогда с классами, и сравнительно безболезненно рас-

сыпаются, заменяясь другими, внешне не похожими, - указывает Гумилев, - но с теми же функциями и судьбами" [Гумилев, 1997b: 139]. Это, по его мнению, объясняется в первую очередь тем, что этнос, как и всякая другая живая система, всячески сопротивляясь уничтожению, пытается, насколько возможно, приспособиться к изменяющимся внешним условиям. Именно поэтому одни субэтноты растворяются "в основной массе этноса", а другие выделяются из нее. В сложных для себя ситуациях этнос, как правило, выделяет новые субэтноты. Образуя этническое единство, субэтноты призваны постоянно поддерживать его "путем внутреннего неантагонистического соперничества". Именно в этом заключается их основное назначение. Единство этноса, благодаря которому они и существуют, для них принципиально важно. Ибо к самостоятельной жизни субэтноты не приспособлены. Без этноса они сразу же распадаются и заканчивают существование. При упрощении же этнической системы на завершающих фазах этногенеза количество субэтнот в конце концов сокращается до одного, что наиболее характерно для реликтового этноса. Хотя далеко не все субэтноты желают прозябать подобным образом. Некоторые из них стремятся создать новые этноты с совершенно иными поведенческими доминантами, что, впрочем, возможно только при очередном пассионарном толчке. Нередко эти возникшие в одно время и в одном регионе этноты образуют *суперэтноты*, которым Гумилев уделяет внимание не меньше, чем этносам.

Эти уникальные "плеяды этносов-сверстников", рожденные несколькими очагами повышенной пассионарности одного и того же энергетического толчка, как правило, охватывают ряд значительных по величине участков земной поверхности. Возникают суперэтноты в результате распада одних этносов и рождения других, так или иначе отличающихся близостью обновленного стереотипа поведения. Являясь после человечества в целом (антропосферы - одной из оболочек Земли) наиболее крупной единицей этнической истории, они представляют собой огромные этнические коалиции, в которых составляющие ее этноты - отдельные блоки, подсистемы. Суперэтноты часто напоминают состоящее из этносов единое мозаичное образование. Таким образом, суперэтноты для Гумилева - это не какие-то особо выдающиеся этноты, а составляющие системную целостность группы этносов с единой общностью исторической судьбы. И несмотря на то, что "этноты - члены одного суперэтноса - не всегда похожи один на другой, - указывает мыслитель, - но всегда ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов, как по ментальности, так и поведению" [Гумилев, 1995: 33]. Возникающие в разное время суперэтноты отличаются друг от друга и по возрасту, и по поведению на различных возрастных этапах своего длительного жизненного пути. Ведь суперэтноты - это отнюдь не вечно живущие этнические системы. Границы их определены не только пространственными характеристиками, но и временными, которые особенно важны для определения как возраста составляющих суперэтнос этносов, так и общей продолжительности их жизни.

Суперэтноты, по Гумилеву, - это вполне реальные конструкции. Подобно этносам, они такие же системные целостности, хотя и на порядок выше. Однако, если этноты являются непосредственно наблюдаемыми таксонами, то суперэтноты так велики, что, как правило, лишь умопостигаемы. Подобный уровень исследования позволяет разрешить задачу рассмотрения суперэтноса примерно так же, как и обозрение какого-либо крупного архитектурного сооружения. Следует отойти на такое расстояние, чтобы увидеть его целиком. "Предполагаемый подход принципиально исключает качественные оценки явлений, но зато позволяет установить механизм процессов этногенеза, что и является нашей задачей, - пишет мыслитель, сразу же уточняя, - ... системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности деталей" [Гумилев, 2003с: 543]. Ведь они в случае необходимости могут быть исследованы более основательно. И вместе с тем, в отличие от этноса суперэтнос, в первую очередь, характеризуется совсем не размером и даже не мощностью, так как и расширение, и сужение его особого значения не имеет, а "исключительно степенью межэтнической близости". Вероятно поэтому суперэтноты, постоянно про-

тивопоставляющие себя друг другу, Гумилевым нередко обозначаются "культурами" или "цивилизациями", а иногда и "мирами".

В отличие от часто и беспрепятственно сливающихся этносов, составляющих суперэтноты, последние, по его мнению, не могут ни объединяться, ни наследовать ценностей своих предшественников. Ибо они не только плохо совместимы, но и, как правило, взаимоисключающи. По Гумилеву, подобная несовместимость в полной мере соответствует конкретным суперэтническим идеалам и доминантам. Именно они определяют принадлежность и человека, и этноса к какому-либо суперэтноту и не позволяют суперэтнотам образовывать единое целое. Ибо "сменить идеал можно только лицемерно, но тогда и слияние суперэтнотов будет мнимым: каждый представитель разных суперэтнотов в глубине души останется с тем, что представляется естественным и единственно правильным, - убежден мыслитель. - Ведь идеал кажется его последователю не столько индикатором, сколько символом его жизнеутверждения" [Гумилев, 1997b: 180]. Однако если слияние суперэтнотов, с его точки зрения, совершенно невозможно, то вполне возможен отрыв отдельных этносов от суперэтнота с последующим их присоединением к другому суперэтноту. Ведь суперэтноты монолитны только во время пассионарного подъема. В дальнейшем же они лишь стремятся сохранить устойчивое равновесие, находясь в постоянной межсуперэтнической борьбе. Поляризация внутри системы - одна из их характерных особенностей.

По отношению к другим суперэтнотам они выступают как целостности, отдельные составляющие которых весьма далеки от единства и единообразия. В межсуперэтнических столкновениях любой противник как нечто инородное должен быть устранен. И чем дальше располагаются суперэтноты друг от друга, тем более они нацелены на хладнокровное и безжалостное взаимное истребление. Конфликты же внутри суперэтнота, напротив, как правило, основываются на стремлении к компромиссу. И хотя история знает немало примеров жестоких войн между близкими родственниками, личные эмоции обычно не порождают желаний полного разгрома и уничтожения. "Борьба внутри системы имеет целью не истребление противника, - писал Гумилев, - а победу над ним" [Гумилев, 1997b: 133]. Поэтому в своем большинстве все подобного рода конфликты сводятся не более чем к достижению временного превосходства.

Таким образом, этнос неизбежно вынужден взаимодействовать с соседними этническими образованиями. Нередко их влияние оказывается для него роковым, нарушающим важнейшие закономерности его развития. В результате этого образуются уродливые, неполноценные и недолговечные этнические структуры. История знает и достаточно много примеров разрушения одних этносов другими этносами, не утратившими своей пассионарности и стремящимися расширить свой ареал. Хотя без их агрессивного воздействия реликтовый этнос мог бы существовать еще достаточно долго. Благодаря их усилиям "растроченная энергия пассионарности, - по утверждению Гумилева, - оставляет на месте своей вспышки пепел сначала горячий, потом холодный и сырой" [Гумилев, 1997b: 353]. Гибель же развивающегося этноса как итог столкновения с более сильным агрессивным соседом - событие значительно более редкое. И хотя далеко не все в этнической истории обуславливается взаимоотношениями жертвы и хищника, для Гумилева очевидно: в беспрестанном многовековом смешении этносов говорить что-то о их чистоте по меньшей мере наивно. Несмотря на то, что подобная традиция, пришедшая к нам из древности, и сейчас имеет своих сторонников. "Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка, - пишет Гумилев. - Все этноты имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать" [Гумилев, 1998: 99]. Именно при слиянии этносов-предков и образуется новая этническая система.

Она, как правило, также отнюдь не изолирована от контактов с другими этносами, число наиболее типичных вариантов которых Гумилев сводит к 4. Первый из них - **сосуществование** - не предполагает ни смешения, ни подражания, а только заимствования технических достижений. Второй - **ассимиляция** - обуславливается полным поглощением одного этноса другим. Третий - **метисация** - отличается нестойким со-

хранением традиций предков и памяти о них, поддерживаемых главным образом благодаря постоянному притоку новых метисов. Четвертый - *слияние* - характеризуется забвением традиций предков и образованием нового этноса. Последний вариант этнических контактов, по утверждениям Гумилева, - главный, несмотря на то, что именно он привлекает наименьшее внимание исследователей. Хотя в отличие от этнического единства, лишь иногда свойственного человеку, этническая близость присуща ему всегда. Ощущение ее, по мнению мыслителя, "может быть отнесено к природе человека как инвариант. Иными словами, - уточняет он, - как бы ни был этнос мозаичен и как бы разнообразна ни была его структура, на заданном уровне он - целостность" [Гумилев, 1997b: 132]. В молодых системах этнические контакты напряжены и страстны. Но нередко эти кровавые и часто во многом бессмысленные конфликты более сохраняют целостность этнической системы, чем спокойная, вялая, апатичная жизнь стареющих этносов. И, несмотря на то, что в эту эпоху жить становится значительно легче, этносы как целостности распадаются и прекращают свое существование.

Подразделяя в этой связи этнические системы не только на *открытые* и *замкнутые* или *замкнутые*, Гумилев характеризует их и как *жесткие* и *корпускулярные (дискретные)*. Все они существенно отличаются одна от другой. И если, например, для нормального функционирования жестких систем обязательно необходимы все ее элементы, их одновременное существование, то в корпускулярных системах возможна даже утрата (с последующим восстановлением) некоторых элементов. Но если восстановления не произойдет, то неизбежно начнется процесс упрощения, а потом и самоуничтожения системы. Понятно, что первая система предполагает строгую и безальтернативную подогнанность элементов, а вторая - их свободное взаимодействие и возможность аналогичных замен. В свою очередь открытые системы постоянно получают энергию и "обмениваются со средой положительной и отрицательной энтропией". Замкнутые системы способны только растрчивать пассионарный энергетический заряд "до уравнивания своего потенциала с потенциалом среды".

Отмечая, что и жесткие, и дискретные системы нежизнеспособны, так как первые не могут при поломках самовосстанавливаться, а вторые бессильны перед внешней агрессией, Гумилев полагал возможным существование весьма многочисленной группы вариантов этнических систем. В частности, он предлагает сопоставление жестких и корпускулярных систем с системами открытыми и замкнутыми. Однако сразу же добавляет, что получившиеся в итоге четыре варианта систем (жесткие - открытая и замкнутая, корпускулярные - открытая и замкнутая) - деление весьма условное. Ведь "любая действующая система совмещает черты обоих типов, - указывает мыслитель, - но, поскольку она находится ближе к тому или другому полюсу, такое деление практически оправдано, ибо позволяет классифицировать системы по степени соподчиненности элементов" [Гумилев, 1997b: 134]. Поэтому этнические системы могут быть наделены различной степенью жесткости и корпускулярности, но общая тенденция такова: жесткость в систему вносится трудом человека, а корпускулярность инициирована природой, "постоянно преобразующей составляющие ее элементы".

Однако при прочих равных условиях усложнение структуры всегда укрепляет, а упрощение - разрушает этнос. Именно сложность обеспечивает ему устойчивость. Всякое же упрощение структуры этноса делает его более слабым и беззащитным. Неудивительно, что иерархическая соподчиненность, по Гумилеву, - один из важнейших принципов этнической структуры. В целях ее успешного функционирования находящиеся внутри этноса таксономические единицы ни в коем случае не должны нарушать его единства и целостности. Ведь то, что молекула состоит из атомов, а атом - из протонов, электронов и др. частиц, напоминает Гумилев, ни коим образом "не снимает утверждения о целостности на том или ином уровне: молекулярном или атомном или даже субатомном. Все дело в характере структурных связей" [Гумилев, 1997a: 50]. Вместе с тем, очевидно, что увеличение числа таксонов низшего ранга (этносов в суперэтносах, субэтносов и консорций в этносах) обусловлено главным образом возрастанием пассионарности, а их уменьшение - снижением энергетического уровня системы в ре-

зультате гибели значительного количества пассионариев. Усложненная же система обретает мощь, расширяет ареал, вступая в различного рода этнические контакты.

Одни активные люди привлекают на свою сторону, располагают к себе других активных людей. В результате их неосознанной взаимной тяги и формируются консорция, конвиксия, субэтнос, этнос, суперэтнос. "Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается пассионарным напряжением, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка" [Гумилев, 200с: 200 - 201]. Усиление ее способствует укреплению этнической традиции, позитивно влияющей на взаимоотношение и этнических структур, и составляющих их людей. Данный феномен Гумилев и называл **комплементарностью**. По его мнению, комплементарность - механизм, на базе которого осуществляются исторические судьбы взаимодействующих этнических систем и их конкретных представителей. В итоге у них могут не только усилиться взаимные симпатии, но и сформироваться единые для всех жизненные цели. Вместе с тем Гумилев не стремился дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику комплементарности. Эта взаимная симпатия, по его глубокому убеждению, лишена каких-либо очевидных видимых причин. Поэтому она и не может быть в полной мере ни осознана, ни определена рационально.

Гумилев постоянно подчеркивал, что комплементарность не принадлежит к явлениям исключительно социальным. И неудивительно, что он обнаруживал ее различные проявления как у людей, так и у животных. И не только домашних (преданность хозяину), но и диких. Однако при этом мыслитель отнюдь не стремился к единому универсальному выражению принципа комплементарности в обществе и природе. Ибо был весьма далек от пренебрежительных отождествлений народов, составляющих этносы, с различными представителями природного мира. И трудно согласиться с некоторыми исследователями творчества Гумилева, утверждающими, что у него субпассионарии группируются вокруг пассионариев "по принципу "комплементарности", как домашние животные вокруг своего хозяина" [Козлов, 1974].

В целом мыслитель склонялся к идее, что комплементарность, как и этнос, - явление не только социальное, но и природное. Следовательно, она не может возникнуть, ни по желанию кого-либо, ни "ради купеческой прибыли". Хотя отдельные люди к этому могут быть и склонны. Однако возможное на персональном уровне, иногда весьма сложно осуществить на уровне популяционном. Вкусы, настроения, намерения конкретных людей, взятые в сумме всего своего многообразия, взаимно компенсируют различного рода индивидуалистические "уклонения от нормы". Таким образом, этносы формируют более или менее четкие принципы комплементарности. Поэтому, по мнению Гумилева, не могут возбудить и направить ее ни государственная целесообразность, ни особенности идеологической системы, ни экономическая конъюнктура.

Комплементарность для него - не только взаимная симпатия, но и антипатия. Ведь даже у животных принцип комплементарности может быть выражен как в позитивной, так и в негативной форме. В этой связи Гумилев подразделял ее на положительную и отрицательную. Первая рассматривалась им как выражение безграничной толерантности по отношению к партнеру, воспринимаемому "таким, каков он есть", без каких-либо попыток изменить, переделать его под собственные стандарты, запросы, интересы. Отрицательная же комплементарность характеризовалась им главным образом нетерпимостью и антипатией. В данном случае доминировали стремления перестроить или уничтожить партнера. Но наряду с этими основными вариантами комплементарности, Гумилев выделял и нейтральную, определяемую как "терпимость, вызываемую равнодушием". Нейтральная комплементарность, присущая лишь низким уровням пассионарного напряжения, свидетельствовала о потребительском отношении к партнеру, игнорирование его. Данный вариант, как правило, наименее продуктивен, тогда как при положительной комплементарности возможны **инкорпорации** и **симбиозы**, при отрицательной - **химеры**.

Под инкорпорацией Гумилев понимал различного рода попытки "войти в чужой этнос", сменить свою этническую принадлежность. Согласия и желания для этого как

самого человека, так и этноса, готового принять его в свои ряды, явно недостаточно. Проникнуть в чужой этнос, освоиться в его среде значительно проще, чем стать в ней своим. Гумилев постоянно подчеркивал, что для того, чтобы стать гражданином другой страны часто вполне хватает доброй воли, тогда как для смены этноса этого крайне мало. Он отмечал разные степени этнической совместимости. Одни люди могут достаточно легко инкорпорироваться в чужой этнос, другим это удастся с большим трудом, а третьим не удастся вообще. Ибо инкорпорация значительно сложнее преодолевает сопротивление факторов, так или иначе связанных с ощущениями, а не с сознанием и самосознанием. Этнический феномен, часто существуя вне и помимо сферы сознания, значительно более проявляется в особенностях характера. Это, по Гумилеву, сфера не социальной психологии, а этнопсихологии. Так, например, многие переселившиеся в Северную Америку европейцы изучили ее историю, законы, обычаи значительно лучше самих американцев. Но, обладая обширными познаниями, они часто не могли понять многое из того, что интуитивно ощущал ребенок, там родившийся и выросший. И, несмотря на хорошее материальное положение, одни европейцы смогли прижиться в США, а другие нет. "Чтобы стать подлинно "своим", - отмечал Гумилев, - надо включиться в процесс, т.е. унаследовать традицию" [Гумилев, 1997b: 157].

Наиболее типичным примером этнических контактов при положительной комплементарности Гумилев называл симбиоз из двух или нескольких "сомкнувшихся" этносов. Под симбиозом он понимал их мирное сосуществование и взаимопомощь "в ведении натурального или простого товарного хозяйства", что, так или иначе, обеспечивало усложнение этносоциальной системы. Она характеризовалась тем, что каждый из этносов, располагаясь в едином географическом регионе, занимал свой ландшафт, свою экологическую нишу. "При этом этногенезы пространственно не пересекаются, пишет мыслитель, а стереотипы поведения не испытывают существенных деформаций" [Гумилев, 1998: 60]. Ксения (букв. "гостя"), по его утверждениям, - характерный вариант симбиоза, когда один немногочисленный этнос внедряется в среду другого, по численности значительно большего. И тот, и другой этносы пребывают в состоянии относительной изоляции, т.к. этнос-гость занимает свободную экологическую нишу, а следовательно, никоим образом не нарушает этническую систему этноса-аборигена. Между ними складывается иерархия взаимоотношений, при которой этнос-гость по существу представляет собой субэтнос. При этом этносы стремятся ко взаимному нейтралитету, невмешательству в дела друг друга.

Однако значительно большее внимание Гумилев все же уделял порождаемым отрицательной комплементарностью химерам. Заимствуя данное понятие из зоологии, где оно обозначает паразитоносителя, он определяет химеру как узурпацию пришлым этносом ведущих позиций местного этноса. В данном случае пришельцы всегда стремились навязать аборигенам свои традиции, культуру и психологическую доминанту. И при этом не просто бесцеремонно проникали в новую для них этническую среду, но так или иначе деформировали, разрушали ее. "Не имея возможности вести полноценную жизнь в непривычном для них ландшафте, - указывал Гумилев, - пришельцы начинают относиться к нему потребительски. Проще говоря - жить за его счет" [Гумилев, 1991: 143]. Навязывая всем принятую в их среде систему взаимоотношений, сравнительно немногочисленные представители этноса-пришельца превращают многочисленных членов этноса-аборигена в угнетенное большинство. Химера возникает лишь тогда, когда этносы, принадлежащие к разным суперэтносам, волею судеб оказываются в одной экологической нише, в одном ареале. Тогда как при инкорпорации и симбиозе те или иные устойчивые контакты различных этносов всегда происходят в рамках единого суперэтноса.

Химеры всегда возникают при снижении пассионарного напряжения. В это время этническая система в значительной мере утрачивает устойчивость и стабильность своего развития. Разрушение системных связей, их радикальная перестройка модифицируют и деформируют стереотипы этнического поведения. Это в свою очередь,

по убеждению Гумилева, "является причиной химеризации части этноса в зоне контакта, т.е. разрушение стереотипа как такового, что ускоряет снижение пассионарного напряжения неустойчивого этноса вплоть до полного распада этнической системы" [Гумилев, 1998: 60]. Химера хотя и хищное, но крайне неустойчивое образование. Она живет до тех пор, пока есть возможность паразитировать за счет созданных этносами (или их симбиозами) богатств и ценностей, до полного их уничтожения, истребления. Однако далеко не всегда химера способна одержать победу над этносом. Представляющий собой целостное единство этнос при столкновении с химерой способен разрушить все ее притязания.

При порожденных положительной комплементарностью инкорпорации, симбиозе, ксении более пассионарные этносы подчиняют менее пассионарные. Это обеспечивает нормальное развитие этногенеза от рождения до смерти. Но в любом случае этнос, по утверждениям мыслителя, всегда позитивная система. Химера не имеет возраста. "Она, - указывает Гумилев, - всасывает пассионарность из окружающей этнической среды, как упырь, останавливая пульс этногенеза" [Гумилев, 1998: 60]. Химера не имеет сколько-нибудь прочных связей с ландшафтом своего проживания, ибо пользуется главным образом средствами этносов, за счет которых она паразитирует. Следовательно, химера не имеет Родины. В этой связи, по логике Гумилева, химера - это антиэтнос. Противопоставляя себя этносам, химера не только отрицает все их обычаи и традиции, но и не создает собственных. Во всем для нее характерна постоянно обновляющаяся "новизна".

При всей кажущейся неуловимости различий между этносом и химерой, этнос проходит фазы этногенеза, а химера "либо существует, либо распадается". А поэтому, утверждает мыслитель, они соотносятся как организм и раковая опухоль. "Последняя может разрастаться до пределов организма, но не более, и живет она только за счет вмещающего организма, - пишет он. - Подобно опухоли, химерная антисистема, высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования" [Гумилев, 2002с: 358]. Не имеющая Отечества химера склонна к негативному мироощущению, а поэтому представляет собой весьма благоприятную почву для образования антисистем. Определяя различия между химерой и антисистемой, Гумилев характеризовал первую как "система-ноль", а вторую как "система - минус". Все позитивные этнические системы, находящиеся в состоянии развития, усложнения, увеличения системных связей, определялись им как "система-плюс".

Для появления же антисистемы, указывает Гумилев, необходимы утрата стабильности в развитии этногенеза и внедрение чужого этноса. Если даже эти этнические системы ранее были положительными, при совмещении они породят антисистему - "явление побочное, возникающее помимо воли участников". При этом мыслитель обращает внимание на то, что негативное антисистемное мироощущение, как явление противоестественное, не может распространиться на достаточно большое число людей. Антисистема всегда меньше позитивной системы, в которой и за счет которой она живет. Однако, уступая в численности, антисистемы тем не менее при своем исчезновении так или иначе забирают с собой часть от жизнеспособных этносов. Антисистемы не только уродуют этносы, упрощая их социальные структуры, обрывая социальные связи и т.д., но и активно способствуют превращению их развития или старения в аннигиляцию. Таким образом, взаимодействие системы и антисистемы может спровоцировать полное прекращение развития системы, ее выход из этногенеза. Вместе с тем, высокая концентрация пассионарности может обеспечить ослабление позиций антисистем, прекращение их деятельности. Хотя мировоззрение антисистемы рождается (равно как и позитивных этнических систем) лишь при наличии высокой пассионарности ее творцов и их последователей, тогда как субпассионарное окружение ни при каких условиях не сможет выйти за рамки традиционных воззрений.

Мировоззрение позитивных этнических систем строится на основе гармоничных, конструктивных контактов с природой, в которых этносы - завершающее звено биоценоза. Мировоззрение антисистем, напротив, разрывает все связи с биосферой, полно-

стью утрачивая единство с ней. Возникая обычно между различными суперэтническими системами, органически связанными с собственными питающими ландшафтами, антисистемы по своей природе экстерриториальны. Все это в значительной мере определяет особенности взаимоотношений людей в системах и антисистемах. Указывая, что любая позитивная этническая целостность вводит различного рода запреты, Гумилев отмечал неизбежно возникающие при этом ограничения свободы человека. Религиозные, нравственные, правовые предписания так или иначе регулируют поведения людей. Только ограничивая произвол своих членов, этносы и могут существовать. И несмотря на то, что далеко не все люди были рады ограничению своих прав, в позитивных системах преобладают дружеские взаимоотношения. Антисистемы же, относясь к окружающим их этносам как к своим врагам, опирались главным образом на строжайшую внешнюю дисциплину. Обретая внутреннюю часто ничем не ограниченную свободу, человек в них полностью утрачивает свободу внешнюю. "Ведь если нельзя положиться на совесть (внутреннее самоограничение), - пишет Гумилев, - то приходится прибегать к жестокому ограничению внешнему, основанному на прямом насилии" [Гумилев, 1998: 62].

Во многих работах Гумилев повторял, что принцип комплементарности часто весьма активно обозначает себя на уровне этноса. "Здесь-то он как раз и называется патриотизмом и находится в компетенции истории, - внушал мыслитель, - ибо нельзя любить народ, не уважая его предков" [Гумилев, 2002а: 230]. Подлинный патриотизм, по его словам, помогает налаживать исключительно положительные отношения со всеми людьми, т.е. имеет только позитивный смысл, не позволяя использовать патриотические идеи против кого бы то ни было. При этом Гумилев неизбежно указывал на положительное воздействие внутриэтнической комплементарности. Однако и всякий раз предупреждал, что эта мощная охранительная сила может оказать людям не только пользу, но и вред. Она вполне способна выразить себя и в негативной форме ненависти ко всему чужому. В этом случае комплементарность проявляется в виде шовинизма, широко и разносторонне представленного в антисистемах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумилев Л. Н. Автобиография. Воспоминание о родителях // Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003а.
- Гумилев Л. Н. Автонекролог // Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003б.
- Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: "Прогресс-Универс", 1995.
- Гумилев Л. Н. Князь Святослав Игоревич // Наш современник. 1991. N 7.
- Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: "Институт ДИ-ДИК", 1997а.
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: СЗКЭО, ООО "Издат. Дом "Кристалл"", 2003с.
- Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: "Институт ДИ-ДИК", 1998.
- Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2002а.
- Гумилев Л. Н. Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. М.: Айрис-пресс, 2002б.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: "Институт ДИ-ДИК", 1997б.
- Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: ООО "Издат. Дом "Кристалл"", 2002с.
- Ефремов Ю. К. Слово о Льве Николаевиче Гумилеве // Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003.
- Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. N12.
- Кузьмин А. Пропеллер пассионарности, или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. N9.
- Лихачев Д. С. Предисловие // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. В 2-х книгах. Кн. 1. М.: "Институт ДИ-ДИК", 1997.
- Панченко А. М. Идеи Л. Н. Гумилева и Россия XX века // Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: "Институт ДИ-ДИК", 1997.
- Янов А. Веймарская Россия // Нева. 1994. N 5 - 6.